

Клейнер Юрий Александрович

Санкт-Петербургский государственный университет,
Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9
y.kleyner@spbu.ru; yurikleiner@hotmail.com

Лингвокультурные (не)совпадения, или *Sui Mei Travels about the Soviet Union*

Для цитирования: Клейнер Ю. А. Лингвокультурные (не)совпадения, или *Sui Mei Travels about the Soviet Union*. Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2020, 17 (4): 720–737. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2020.414>

Советские учебники иностранных языков, в частности английского, очень точно отражают тенденции развития общества, сказавшиеся на эволюции подхода к преподаванию и его задачам — от информативно-коммуникативных (чтение, общение) на ранних этапах к однонаправленной коммуникации, тематически ограниченной реалиями закрытого общества, зачастую не имеющими соответствий за его пределами. Материал учебников менялся от оригинальных произведений с легкой идеологической окраской в пособиях середины — конца 20-х гг. XX в. в сторону текстов, полностью оторванных от реалий (реальности) стран изучаемых языков в 1930-е — 1980-е гг. Сложившаяся в результате практика создания безэквивалентной лексики (газета *Moscow News*) продолжилась в обстановке реального обмена элементами культуры, при котором заполнение соответствующих языковых лакун по-прежнему опиралось не на заимствование слова вместе с понятием, а на пословный перевод (ср.: *Currency exchange office* «Пункт обмена валюты» = *Foreign Exchange*). Такой способ принципиально отличен от интуитивно обоснованного заимствования реалий/слов в естественных условиях (например, в эмигрантской среде). Метод прямого заимствования позднее стал использоваться и в России, в результате чего в словаре современного русского языка образовался значительный пласт неологизмов, по большей части имевших исконные (или ранее заимствованные) эквиваленты, что, в свою очередь, привело к возникновению новой синонимии, вытеснению (*тенденция* → *тренд*, *специалист* → *эксперт* и т. п.) или размежеванию значений, вплоть до образования новых слов (*мессач*) и даже возникновения новых понятий на основе реинтерпретированных заимствований. Альтернативой этому может стать сознательное отношение к языковым процессам, соответственно контроль заимствований носителями языка, что определяется степенью самодостаточности общества и постановкой в нем образования, способного противопоставить языковой стихии процесс словотворчества, обеспечивающий заполнение лингвокультурных лакун по мере их возникновения.

Ключевые слова: иностранные языки, преподавание, культурные/языковые соответствия, заимствование.

...не слово в слово, а мысль в мысль.
Св. Иероним. О лучшем способе перевода

В основе этой статьи — доклад, прочитанный на Первой Балканской конференции преподавателей английского языка в Афинах в 1995 г. В том же году я начал преподавать на кафедре общего языкознания (ныне им. Л. А. Вербицкой) СПбГУ,

получив, среди прочего, возможность время от времени обсуждать с Людмилой Алексеевной тему, заинтересовавшую меня и, как выяснилось, небезразличную ей. Публикация трудов конференции все время откладывалась; к статье добавлялись новые сюжеты (лексические инновации и русский язык за рубежом). Естественным контекстом этих бесед было образование — область, в которой авторитет Л. А. Вербицкой давно уже был непререкаем. Доклад так и остался неопубликованным. Представляя данный вариант этой работы, на русском языке, я постарался по возможности полно отразить в ней замечания, высказанные в разное время Людмилой Алексеевной, частично записанные, а еще более — сохранившиеся в воспоминаниях о замечательном ученом и необыкновенном человеке.

* * *

Англоязычная часть названия статьи заимствована из первого издания учебника Н. А. Бонк и др. [Бонк и др. 1960: 262], который на протяжении многих десятилетий остается одним из самых популярных в нашей стране учебников английского языка¹. Героиня текста с таким названием, Суй Мей, — сродни ученикам «мистера Пристли» из учебника К. Э. Эккерсли, когда-то единственно доступного в СССР учебника, написанного носителем английского языка [Eckersley 1967]. Использование в качестве персонажа иностранца, изучающего язык данной страны и постигающего таким образом ее реалии, — испытанный методический прием, ср.: египтянин Mohammed в учебнике нидерландского языка [Pescher ter Meer, Fontein 1979], иранец Hassan в учебнике норвежского [Manne, Nilsen, 1993], англичанин Joe, немка Jutta и Dean из Уганды в учебнике датского [Begynderdansk 1991] и т. п. «Путешествие по стране» также входит в большинство учебников иностранных языков, правда в них герой, как правило, путешествует по стране изучаемого языка, знакомясь с ее реалиями и обогащая таким образом свой словарь². Китайка, путешествующая по СССР на страницах учебника английского языка, выпадает из этой традиции³, вернее примыкает к традиции, сложившейся на протяжении всей истории советских учебников иностранных языков, в частности английского, из которых планомерно изгонялись персонажи — носители языка и вместе с ними — соответствующие реалии и заодно живой английский язык.

На первых порах изучение иностранных языков было частью общегосударственной просветительской программы. Адресаты ее перечислены в проспекте журнала *Der neue Weg*, начавшем выходить в 1926 г. как своего рода аналог ежемесячников на английском, немецком и французском языках, издаваемых до Первой мировой войны издательством «Благо» [Изучайте языки 1926: 1]. Журнал предназначался для «учащихся высших учебных заведений, рабочих факультетов, военных школ, техникумов и старших групп школ II ступени, для курсов иностранных языков и кружков, желающих путем самообразования обновить и расширить свои познания языка, для отдельных лиц, как то: инженеров, техников, врачей, агрономов, сотрудников советских учреждений и предприятий и профессиональных ор-

¹ Последнее из известных автору изданий [Бонк и др. 2015].

² В учебнике Эккерсли: “Jan and Frieda Leave for Switzerland” [Eckersley 1967, bk. 2: 133–137], “A Visit to Stratford” [Eckersley 1967, bk. 3: 68–72]; “The American Scene” [Eckersley 1967, bk. 4: 249–291].

³ Этот текст был исключен из более поздних изданий учебника, но в них остался другой текст о поездке — “From Verkhojansk to Sukhumi” [Бонк и др. 2001: 265–266].

ганизаций, которым приходится обращаться к иностранной литературе; для части рабочей молодежи, желающей повысить свою квалификацию; для бывших военнопленных в Германии, начинающих уже забывать приобретенные там познания; словом, для всех взрослых, стремящихся к уровню современной культуры и овладению орудием связи с трудящимися и научными силами других стран» [Изучайте языки 1926: 2]. Судя по этому перечню, образование выше начального не мыслилось без знания иностранных языков.

Конкретные задачи учебных программ, одобрявшихся Государственным Ученым Советом⁴, исходили из невозможности «ограничиться изучением одной какой-то специальной области знания на иностранном языке» и из того, что «в настоящее время уже считается общепризнанной истиной, что всякий специалист, стремящийся к повышению своей квалификации, должен следить за иностранной литературой не только в узкой сфере своей специальности, но по соприкасающимся к его знаниям дисциплинам» [Изучайте языки 1926: 1–2].

Об отношении к этому начинанию можно судить по отзывам читателей журнала: «Это начинание выдвинуто самой жизнью»; «Именно учебный журнал, который задан целью, наряду с изучением языка, знакомить учащихся и советских граждан с германской культурой, с жизнью и бытом немецкого народа и образцами его литературы, должен получить широкое распространение среди наших учащихся» (Председатель Всесоюзного Общества культурной связи с заграницей О. Д. Каменева⁵); «У нас, в нашем Союзе, особенно сильно сказывается за последние годы стремление к изучению иностранных языков... Желательно, чтобы создавались по образцу немецкого и английский и французский журналы» (Непременный секретарь Всесоюзной АН академ. С. Ф. Ольденбург); «...статью за статьей я прорабатываю каждый номер» (Железнодорожник Алексей Гирылин) [Изучайте языки 1926: 13, 14, 23] и др.⁶

Главное, что отмечалось в оценках методической направленности журнала преподавателями, — ориентация на живой язык, ср.: «Читая журнал, знакомишься со всеми возможными видами живого языка, начиная с литературно-художественного, богатого германизмами и чуждыми русскому читателю оборотами иностранной речи, и кончая узко-техническим словарем» (Преподаватели немецкого языка опытно-показательной школы Наркомпроса имени Короленко); «...как раз нужен такой материал, который служил бы переходом от начального учебника к чтению подлинных иностранных текстов» (Преподаватель опытно-показательной школы-коммуны Э. Фохт); «Живой язык “Нового пути” с избытком пополняет пробелы

---

⁴ Государственный Ученый Совет (ГУС) (в документах тех лет все слова писались с прописных) — научно-методический орган Наркомпроса РСФСР, ведавший осуществлением политики государства в области науки, искусства, образования и социалистического воспитания. Учрежден в 1919 г., упразднен в 1933 г.

⁵ Всесоюзное общество культурной связи с заграницей (ВОКС) — общественная организация, задачей которой было «ознакомление общественности СССР с достижениями культуры зарубежных стран и популяризации культуры народов Советского Союза за границей». Основана в 1925 г.; в 1958 г. преобразована в Союз обществ дружбы.

Каменева (урожд. Бронштейн) Ольга Давидовна (1883–1941) — сестра Л. Д. Троцкого (1879–1940), первая жена Л. Б. Каменева (1883–1936). Расстреляна.

⁶ Этот раздел брошюры открывается приветствиями «Народного Комиссара по просвещению» (так в брошюре. — Ю. К.) Анатолия Васильевича Луначарского (1875–1933) и «Заведующего Агитпропом Исполкома Коминтерна» Белы Куна (1886–1938; расстрелян).

старых учебников» (Преподаватели Ново-Николаевского промышленно-экономич.[еского] техникума) [Изучайте языки 1926: 17, 19, 20].

Ту же задачу ставили перед собой в конце 20-х гг. XX в. и англичты: «дать учащимся элементарное знание живого английского разговорного языка» [Wicksteed, Setington 1928: 1]. О том, что «элементарное» не значит неидеоматичное, свидетельствует уточнение: «Мы тщательно избегали всех слов и выражений, которые не употребляются англичанами в обыденной речи» [Wicksteed, Setington 1928: 1]. В соответствии с этим принципом, преподавание с самого начала основывается на чтении оригинальных текстов, например, “The Memoirs of Tom Mann” [Wicksteed, Setington 1928] или статей из *The Manchester Guardian* и *Herald* [Thompson 1929]. В качестве авторов или редакторов учебных пособий выступают носители языка, например, А. Уикстид (Alexander Wicksteed, 1875–1935), англичанин, поселившийся в Москве, или член Британской академии Дж. Томпсон (John Thompson)⁷. Как видно, в этот период цели образования были весьма благородны по формулировке, а средства их реализации вполне обоснованы методически.

Впрочем, наряду с ознакомлением «трудовых масс СССР с достижениями мировой науки и техники», в числе задач преподавания/изучения языков уже тогда называется «облегчение» в деле «борьбы в роли революционного авангарда с мировым империализмом» [Изучайте языки 1926: 21]. О несколько идеализированном представлении в тот период и о «деле борьбы», и о роли «авангарда», равно как и о значении для всего этого изучения иностранных языков, свидетельствует отклик на журнал *Der neue Weg* представителя Крестьянского интернационала Томаша Домбала⁸: «Журнал „Новый путь“ совершенно правильно подошел к вопросу об укреплении смычки трудящихся СССР и Германии. Изучение русского и немецкого языков трудящимися обеих стран, несомненно, будет громадным стимулом к их совместным действиям по пути к созданию всемирного Рабоче-Крестьянского Союза Рабоче-Крестьянских Республик» [Изучайте языки 1926: 13]. Несмотря на всю расплывчатость, такие заявления отражают тенденцию, наметившуюся на самом раннем этапе истории советской педагогики и очень скоро ставшую главенствующей в части изучения иностранных языков. Ее довольно точно уловили авторы учебников иностранных языков и методических пособий, чутко реагиовавшие на события, происходившие в стране в этот и во все последующие периоды⁹. Это ощущается, в частности, в подборе текстов, например, “The Great Dock Strike” в учебнике А. Уикстиды и Н. Сеттингсона¹⁰. Такая уступка не шла вразрез с намерениями

⁷ В этот период пособия, созданные носителями языка, переиздавались и издавались по всей стране — ср. [Скотт, Брей 1918; Гаррис, Смоллер 1928] и др.

⁸ Крестьянский интернационал (Кристинтерн) — международная крестьянская революционная организация, созданная в 1923 г. на конгрессе крестьянских организаций СССР, Польши, Германии, Франции и др. Возглавлялась Советом, избравшим постоянно действующий Президиум во главе с Генеральным секретарем. Просуществовала до 1933 г. Домбаль, Томаш Францевич (*Tomasz Dąbala*, 1890–1937) — деятель польского революционного движения; с 1923 г. советский партийный деятель. В 1923–1928 гг. заместитель Генерального секретаря Кристинтерна. Расстрелян.

⁹ Участие «Американской администрации помощи» (*American Relief Administration*) в ликвидации голода в Советской России (1921–1923), введение НЭПа (1921), XV съезд ВКП(б) — осуждение «отхода от линии партии», начало внутрипартийной борьбы, отмена НЭПа (1927), практическая ликвидация негосударственных издательств (1929, см.: [Блюм, 2009]) и т. д.

¹⁰ Ср. в учебнике Гарриса и Смоллера: «Авторы старались, в целях прочной ассоциации, скомбинировать слова обыденной речи с самыми употребительными политическими и экономическими»

авторов дать студентам подлинные образцы современного английского языка и, по-видимому, была достаточным выражением лояльности мягкому еще режиму.

Положение резко меняется в самом начале 1930-х гг. В качестве основной задачи образования по-прежнему называется создание рабоче-крестьянской интеллигенции, но содержание самого этого понятия коренным образом меняется: социалистический рабочий «должен быть активным участником борьбы за перестройку государственного аппарата, борьбы с бюрократизмом, классовыми врагами, пробирающимися в госаппарат, борцом за культурную революцию» [Забельшинский 1931: 4]. В полном соответствии с новыми задачами (и всей последующей практикой) находится перечеркивание прежних достижений: «У нас, в СССР, до последнего времени иностранным языкам... уделялось чрезвычайно мало внимания» [Матюшкин-Герке, Розенблит 1931: 5]. В сопоставлении с приведенной выше характеристикой предшествующего периода такое заявление можно понять одним единственным образом: все, что делалось в этой области ранее, не соответствует новым задачам, стоящим перед образованием. Критике подверглись как «правые оппортунисты», которые «не поняли значения разрешения проблемы кадров в условиях социалистического наступления, всячески тормозили рост школ, перестройку вузов» [Забельшинский 1931: 3], так и политическая «ошибочность и вредность “левых” теорий в деле подготовки кадров» [Забельшинский 1931: 3]. В соответствии с новыми задачами меняются и требования, предъявляемые к педагогам: для «создания рабоче-крестьянской интеллигенции... нужны новые преподаватели, владеющие как методами преподавания, так и идеологией» [Забельшинский 1931: 9]. В числе недостатков в подборе кадров называется то, что в Ленинграде в специальных учебных заведениях по иностранным языкам «среди преподавателей иностранных языков рабочие составляют единицы, а партийцев почти нет вовсе» [Матюшкин-Герке, Розенблит 1931: 18]; ср. также: «Много среди педагогов „бывших людей“ — помещиков, гувернанток, классных дам... Зачастую — это *иностранцы*» (курсив наш. — Ю. К.) [Забельшинский 1931: 9].

Тенденция, только наметившаяся к концу 20-х гг.¹¹, в 1930-е гг. достигла своего апогея. Саму необходимость изучения языков стало нужно обосновывать ссылками на партийные установки: «ЦК ВКП(б) признал необходимым организовать изучение иностранных языков» [Матюшкин-Герке, Розенблит 1931: 4]¹². Усилия,

---

ми терминами, которые ученик встречает в своей повседневной жизни. Чтобы сделать уроки более интересными, авторы коснулись, насколько возможно, и самой жизни учащегося, развивая через знакомые ему предметы понятие ученика о литературном и разговорном языке, а также и его способность выражать ясно свои мысли по-английски» [Гаррис, Смоллер 1928: 3]. «Выражать мысли по-английски» студентам предлагалось на примерах типа: *Where was Vladimir Ilich born?* [Гаррис, Смоллер 1928: 92] или *Against what was the proletariat fighting?* [Гаррис, Смоллер 1928: 103] и т. п.

¹¹ Частью наметившейся тенденции была и самоцензура, тогда еще не слившаяся окончательно с официальной цензурой 1930-х гг. Так, в предисловии к своему учебнику Г. Ф. Гаррис и Ф. А. Смоллер приносят «глубокую благодарность» преподавателю английского языка Т. Р. Радецкому «за советы и критику», «Г. В. Шитову, заведующему Техникумом, за... критику как с методической, так и с политической стороны» и О. М. Пышиной-Аносовой, преподавательнице обществоведения, «за просмотр книги с политической стороны» [Гаррис, Смоллер 1928: 4].

¹² Справедливости ради заметим, что не одним только страхом руководствовались некоторые авторы учебных пособий. В брошюре Матюшкина-Герке и Розенблита наряду с цитатами и лозунгами содержатся вполне дельные методические рекомендации, характеристики образовательных учреждений и т. п. Там же звучит прежний мотив образования как части культуры: «знания иностранных языков нужны как дополнительные, повышающие квалификацию многочисленных ра-

предпринимаемые авторами учебников, варьировали от подбора материалов, не противоречащих требованиям времени (Уикстид и Сеттингсон), до — практически — доносов:

Какие специалисты-языковики нам нужны? <...> Само собой разумеется, что нам нужны наши специалисты-языковики, а не классово-чуждый элемент. Можно ли допустить, например, чтобы переводчик, работающий с иностранными специалистами, был не наш? Конечно, нет! Для такого переводчика открывается слишком широкое поле для вредительской деятельности [Матюшкин-Герке, Розенблит 1931: 17–18].

Оставаясь в пределах своей профессии, переводчик мог проявлять «вредительскую деятельность» лишь в союзе с зарубежными туристами и так называемыми «спецами». Пародией на представление об иностранцах как о шпионах, видимо, распространенное в 1930-е гг., является жалоба «переводчика» в романе «Мастер и Маргарита»: «Вот они где у меня сидят, эти интуристы!.. <...> всю душу вымотали! Приедет... и или *нашпионит*, как последний сукин сын, или же капризами все нервы вымотает» [Булгаков 1983: 99] (курсив наш. — Ю.К.). (Надо полагать, что данный персонаж (Коровьев) не относил себя к числу «классово-чуждых элементов».) Совсем не в пародийной форме то же представлено в романе Б. Ясенского «Человек меняет кожу» (1932), где среди нескольких американских специалистов, приехавших на работу в СССР, есть и шпион Мурри (на самом деле агент Интеллидженс-сервис Бэйли). Там же фигурирует и честный инженер Кларк, спасающийся в советском Таджикистане от Великой депрессии. В этой части история абсолютно правдива: много инженеров и квалифицированных рабочих, в основном из США и Германии, переселились в СССР, где им предоставлялись высокооплачиваемые должности и обеспечивался соответствующий уровень жизни. Тогда же СССР стали посещать рабочие делегации, желавшие своими глазами увидеть страну, которая сумела избежать всемирного кризиса:

В СССР часто приезжают иностранные рабочие делегации с целью ознакомиться с нашим социалистическим строительством, с нашими успехами в деле социалистической реконструкции [Матюшкин-Герке, Розенблит 1931: 6].

Поставленную ранее задачу «помощи трудящимся массам, борющимся против мирового империализма», стало возможно реализовывать, не выезжая из страны:

Many American and English delegations come to the Soviet Union. They want to learn about our life. They want to learn about our building up socialism. Many American and English workers work in our factories. They want to learn about the Five-Year Plan. They want to learn about communism. They want to learn about comrade Lenin. <...> We get letters from American and English workers. They ask us for help. They ask us many questions, but we cannot answer them because we don't know English [Абрам, Зильперт 1934: 48].

Последнее говорится в обоснование необходимости изучать языки, ср. также:

Многое ли смогут рассказать эти делегаты, вернувшись домой, если они лишены возможности непосредственно изъясняться с советскими рабочими? Многое ли сможем узнать от них мы, не зная иностранного языка? [Матюшкин-Герке, Розенблит 1931: 6]

ботников всех областей» [Матюшкин-Герке, Розенблит 1931: 7]. Желание любимыми способами сохранить свою область знаний было свойственно побежденной интеллигенции на протяжении всего советского периода.

В связи со всем этим возросла потребность в людях, владеющих иностранными языками, деятельность которых теперь не сводилась к участию в профессиональном общении. Герой романа Б. Ясенского «[е]ще у себя в Нью-Йорке... много слышал и читал о социалистическом соревновании... о фабриках, принадлежащих рабочим. Но только здесь... он подумал впервые, что вся эта необъятная страна... есть, по сути дела, одно огромное акционерное общество населяющих ее людей» [Ясенский 1957: 8]. Под руководством переводчицы (студентки, комсомолки, несомненно «нашей») инженер постигает разницу между акционерным и социалистическим обществом, в которое и входит к концу романа, когда к нему обращаются: «товарищ Кларк» [Ясенский 1957: 460].

Примерно тогда же американские «товарищи» появляются и в учебниках иностранных языков:

Do you know comrade Dombey? He works in the first shift. <...> Did you see him yesterday at the meeting? Comrade Morgan wants to see him [Абрам, Зильперт 1934: 43].

С этого времени язык превращался в канал исключительно исходящей информации, предназначенной для тов. Домби и Моргана (имена выдают знакомство авторов с Диккенсом и Стивенсоном), на которых рассчитана и предлагаемая авторами тематика — достижения в социалистическом строительстве:

We have made many improvements on the basis of *comrade Stalin's six points*. First of all we have stopped the *automatic influx of labour* from the country. Instead of this we have made many contracts with the collective farms. We have made contracts for three hundred and fifty new workers.

Have you done anything for the mechanization of production? We could not mechanize labour throughout the factory but we have *rationalized and mechanized labour* in some shops.

We have put an end to *personal irresponsibility* throughout the factory. We have assigned definite groups of workers to definite machines and definite tools.

What have you done as to the *problem of cadres*? We have opened the technical schools at the factory and we have sent many workers to universities.

Now, what about *specialists of the old-school*? Well, we have brought them closer into the industrial and social work. We have paid much attention to those specialists who want to work with us [Абрам, Зильперт 1934: 125–126] (курсив наш. — Ю. К.).

Сегодня в комментарии нуждается и *personal irresponsibility*, и *problem of cadres*, и, конечно, “*Comrade Stalin's six points*” (“Шесть условий товарища Сталина” — комплекс мероприятий, предложенных Сталиным на совещании представителей хозяйственных организаций 23 июня 1931 г.), а также “*automatic influx of labour from the country*”. В последнем случае речь скорее бы следовало вести об «оттоке» (*outflow*, если не *flight* или даже *exodus*), что несколько смазало бы идиллическую картину «пейзан», стремящихся участвовать в индустриализации (*we have made many contracts with the collective farms... for three hundred and fifty new workers*), а не бегущих от коллективизации и голода. Не вполне ясно, хорошо ли понимали данные реалии авторы учебника¹³.

¹³ Вопрос не праздный. С. Я. Абрам и Ф. Н. Зильперт — авторы целого ряда пособий по английскому языку, например, [Абрам, Зильперт 1931; Абрам, Зильперт 1933а] и др., словарей — русско-

Как и всякое явление, советскую действительность можно было бы описать на любом языке, даже если в нем отсутствуют соответствующие понятия, — с помощью буквального перевода, калькирования, транслитерации и т. п. (все с обязательным комментарием). Заметим, что такой подход к представлению текста практиковался в том числе и авторами пособия 1934 г. Это следует, в частности, из опубликованного тремя годами ранее проспекта «Английской учебной хрестоматии по сельскому хозяйству», составленной Ф. Зильпертом в сотрудничестве с Г. Джеффри, П. Ор и С. Юницкой: «Составленные при участии американских специалистов, книги детально прорабатывают методику современного полеводства и животноводства. <...> Правильная передача деталей, русской и англо-американской технической терминологии произведена с участием соответствующих специалистов» [Абрам, Зильперт 1931: 3 доп.]. В числе достоинств хрестоматии называется и то, что в ней «даны статьи тов. Сталина и Яковлева¹⁴ по вопросам сельского хозяйства» [Абрам, Зильперт 1931: 3 доп.]. Скорее всего, в этих статьях содержались «детали», с которыми вряд ли справился бы переводчик или редактор, умеющий «избегать слов и выражений, которые не употребляются англичанами».

Переводные отрывки из трудов Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина становятся обязательной частью учебников иностранных языков. И здесь авторы шли на ухищрения, включая, наряду с «основоположниками», оригинальные тексты, разумеется, «идеологически правильные». К последним относились классики англоязычной литературы, желательна критическая в отношении буржуазного строя направленности (Ч. Диккенс). Весьма удачный по тем временам пример такого симбиоза — изданный на пике сталинских чисток школьный учебник английского языка Л. И. Килочицкой¹⁵, где помимо Маркса, Энгельса и Ленина дана очень неплохая подборка из английской классической литературы — Байрон, Шелли, Теккерей (последний с комментарием “a realistic picture of the education of a young lady in the bourgeois society”), а также “Some Peculiarities of the English Language” О. Есперсена [Килочицкая 1937]. Менее удачна в этом отношении опубликованная еще в 1929 г. «Рабочая книга по английскому языку» Е. Н. Валишевской [Валишевская 1929], состоящая из отрывков произведений, посвященных международному коммунистическому движению, — как оригинальных (W. W. Craik, Tom Quelch), так и переводных (Marx, Engels, Rosa Luxemburg, N. Bukharin). Положение не спасает и «обрамление» книги — пять с половиной страниц из “King Coal” Э. Синклера и отрывок из “Mason’s New English Grammar (Short History of the English Language)” вслед за тридцатью страницами “Theory and Practice of Leninism” by J. Stalin в конце.

английского [Зильперт, Абрам 1938] и англо-русского [Абрам, Зильперт 1938], а также разговорника для иностранцев [Абрам, Зильперт 1933б], где в виде маргиналий на вполне аутентичном английском языке дается описание маршрута путешествия по Советскому Союзу. Одна из работ ([Зильперт, Абрам 1931]) вышла под редакцией упоминавшегося выше А. Уикстида, другая ([Зильперт, Абрам 1929]) — с предисловием С. К. Боянуса (1871–1952), эмигрировавшего в 1934 г. в Англию (о нем см.: [Светозарова 2019]). Нельзя исключить, что имена персонажей английских романов были использованы намеренно, как намек — для друзей и коллег — на обстоятельства, в которых создавался этот учебник «псевдоанглийского» языка.

¹⁴ Яковлев (Эпштейн) Яков Аркадьевич (1896–1938) — нарком сельского хозяйства. Расстрелян.

¹⁵ Ее упоминает в своем дневнике Ю. М. Нагибин:

Сегодня наша переводчица Килочицкая, святая курица, подходит ко мне и говорит:

— Юрий Маркович, я хочу вас предупредить — о вас очень плохого мнения. Говорят, что вы циничны, развращены и к тому же трус. Мне больно за вас, как за русского юношу [Нагибин 1996: 30].

Последующие попытки автора угнаться за меняющейся идеологией скорее наивны:

“Does the merchant sell the goods?” (при том, что частная торговля в СССР была практически ликвидирована) или “We shall go to England next year”, наряду с: “Against whom are the workers struggling? They are struggling against capitalism” и “The example of the Soviet Union proves convincingly to us that this is the only way out for the toiling masses” и др. [Валишевская 1932: 13, 32, 17, 23]¹⁶.

Естественным следствием всей образовательной политики 1930-х гг. стал уход из учебников «живого языка», вытесненного газетными клише (“our task is to fulfill our production plan not only in quantity, but also in quality” [Абрам, Зильперт 1933а: 63] или обозначением реалий, бытование которых в условиях безадресатной коммуникации ограничивалось пределами страны (*Red Corner* ‘красный уголок’, *shock brigades* ‘ударные бригады’).

* * *

Традиция лингвокультурного солипсизма, сложившаяся в СССР в 1930-е гг., продолжилась и после того, как из учебников (зачастую не только из них) исчезли зарубежные «товарищи», носящие имена героев Диккенса и Стивенсона (заодно исчезли и авторы учебников¹⁷). И в более спокойные в идеологическом отношении времена закрытость общества не могла не сказываться на организации образования и его задачах, в том числе в сфере изучения иностранных языков. Ограничения касались не только чуждой идеологии, но, по иным причинам, и научно-технической информации. Для удовлетворения потребности в ней хватало специализированных «бюро» на заводах и в НИИ. Иностранцев, организованно приезжающих в страну, обслуживали профессиональные гиды. За пределами профессии, соответственно языковых вузов, изучение иностранных языков (на курсах, частным образом), в сущности, представляло собой «образование ради образования» и не имело серьезных практических перспектив. Как ни парадоксально, то же в каком-

¹⁶ Возможно, она же является автором переводов произведений Г. Фаста (1951) и Э. Ожешко (1954). Это значит, что ей удалось пережить сталинские времена. Не исключено, что в этом Е. Н. Валишевской помогла именно наивность. Добавим, что в учебнике 1932 г. «злободневные» темы «Strike struggles in Australia», «New Drive against USSR» и т. п. изложены «настоящим» английским языком.

¹⁷ О дальнейшей судьбе Ф. Н. Зильперта рассказано в «Книге памяти Иркутской области»: Зильперт Филипп Николаевич (1895, Москва), еврей; работал заведующим кафедрой английского языка Иркутского пединститута, Место проживания: г. Иркутск, б/п. Мера пресечения: арестован. Дата ареста: 26 апреля 1942 г. Обвинение: ст. 58, п. 10, ч. 2 УК РСФСР. Осуждение: 8 декабря 1942 г. Осудивший орган: Иркутский облсуд. Статья: 58, п. 10, ч. 2 УК РСФСР. Приговор: 10 лет И[справительно]-Т[рудовых] Л[агере]й. Дата реабилитации: 13 октября 1992 г. Реабилитирующий орган: реабилитирован Заключением прокуратуры Иркутской области. Архивное дело: Дело № 17171. См.: [Книга памяти].

Сведений о Семене Яковлевиче Абраме, а также его работах после 1938 г. обнаружить не удалось. Судя по тому, что последняя совместная публикация (англо-русский и русско-английский словари) сделана в год ареста Ф. Н. Зильперта, их сотрудничество продолжалось до этого времени. В связи с пометой «Перераб.» (подписаны к печати?), возникает вопрос о роли Маргариты Викторовны Рейсгоф (1909, арестована в 1942 г. [Книга памяти]) и Розалии Абрамовны Зарецкой (в том же году выпустила в том же издательстве собственный англо-русский словарь [Зарецкая 1938]). Все это наводит на мысль, что С. Я. Абрам разделит судьбу своего соавтора.

то смысле относится и к студентам технических вузов, в программы которых иностранные языки включались скорее по инерции. В программы входило чтение якобы научных (биография Исаака Ньютона, например) и общественно-политических текстов, статей из газеты *Moscow News*, построенных по методике 1930-х гг. — клише, зачастую не имевших соответствий за пределами газет¹⁸. В программу входили также «разговорные темы», рассчитанные на весьма гипотетическую возможность контакта (случайная встреча) с приезжим иностранцем, интересующимся жизнью советского студенчества; отсюда темы: “My Family”, “My Working Day”, “My Institute” и, конечно, “Our Country”. «Наша страна» была местом действия всех остальных тем¹⁹, действующим лицом которых был, как правило, “Comrade Petrov, an engineer <who> has dinner at 1 o'clock”. Неожиданным исключением оказался *John Smith*: “He lives in the centre of Leningrad, in Herzen Street” [Труевцева, Кац 1969: 79]²⁰.

Студенты языковых вузов до какого-то времени познакомились с английским языком, читая авторов XIX в., позднее — по книгам более новых английских, американских, канадских, австралийских и новозеландских авторов, подаренных случайными, как правило, знакомыми — аспирантами-стажерами «по обмену», африканскими и индийскими студентами и т.п. Дарители использовались также в качестве информантов, в результате чего происходило соединение несоединимого — британского английского с американским, терминологии средней школы и университета — и образовывался словарь некоего английского языка, существующего вне пространства и времени, который замечательно описал А. С. Либерман:

Мало кто в наши дни может себе представить, что это был за английский. Где-то существовала Англия, судя по всему, придуманная с единственной целью дать нагрузку учителям английского языка, страна более мифическая, чем Атлантида, и значительно более далекая, чем Древний Рим. Где-то доживали свой век молчаливые американ-

---

¹⁸ Выдающийся англист В. Я. Плоткин (1927–2013) остроумно назвал статьи в *Moscow News* «образцом безденотатного мышления». Интересно, что студенты, с трудом продиравшиеся через элементарные английские тексты, бойко переводили эти статьи, сдавая пресловутые «тысячи», иногда только «достраивая» хорошо знакомые клише, например, добавляя к *Communist Party and Soviet Government* «и лично Леонид Ильич Брежнев» (из собственного преподавательского опыта).

¹⁹ На пропагандистский эффект несомненно рассчитан текст “On Two Continents” в учебнике для технических вузов В. Р. Гундризер, повествующий о жизни на Чукотке (*warm comfortable houses, medical help* и в целом *a wide road to culture and progress*) в сравнении с условиями жизни эскимосов Аляски (*in primitive wigwams* (так! — Ю. К.), *children do not go to school, language has no alphabet; the American Eskimos have no hope for the future and die out*) [Гундризер 1972: 15–16]. Выказывалось предположение, что этот текст был одним из источников анекдотов «чукотской серии», популярных в 1970-е гг., или, по крайней мере, способствовал их распространению в студенческой массе [Рабинович 1989]. На самом деле студенты технических вузов, сосредоточенные исключительно на преодолении трудностей перевода, никак не соотносили содержание текстов учебника с внетекстовой реальностью (из собственного преподавательского опыта). Тексты учебника ассоциировались с трудной и малоинтересной «повинностью» и не удерживались памятью (скорее изгонялись из нее). Таким образом, воздействие на умы «идеологически нагруженного» материала было нулевым (если не отрицательным).

²⁰ НевоЛЬНО приходит на память одно из сочинений Ляписа-Трубецкого в «Двенадцати ступлях» (письмоносец Гаврила, сраженный пулей фашиста, все же доставляет письмо по адресу): «Где же происходит дело? — спросили Ляписа. Вопрос был законный. В СССР нет фашистов, за границей нет Гаврил, членов союза работников связи. — В чем дело? — сказал Ляпис. — Дело происходит, конечно, у нас, а фашист переодетый» [Ильф, Петров 1958: 194]. Впрочем, Джон (29 years old) мог оказаться родственником тов. Домби или американской пионерки Jane Smith из учебника Е. Ф. Буштуевой [Буштуева 1934: 65]; возможно, в 1934 г. это еще не выглядело столь абсурдно.

ки, жены и дочери погибших на каторге и расстрелянных энтузиастов, приехавших в СССР строить то, что им не удалось достроить, но об английском языке в Америке бытовало плохое мнение: жаргон какой-то, хотя на бумаге Марк Твен, Джек Лондон и немислимо растиражированные Драйзер и Фаст всех устраивали, и им прощали дикие слова, рядом с которыми в словарях стояла пометка *амер.* Впрочем, заучивались и эти слова, и они соседствовали в речах и сочинениях студентов со сленгом из Диккенса и древностями из восемнадцатого века. Если вообразить нашего современника, свободно, но не всегда правильно изъясняющегося по-русски на языке эпохи Толстого с многочисленными вставками из Радищева и Венечки Ерофеева, можно восстановить аналог русского диалекта английского языка послевоенной советской эпохи [Либерман 2012: 16–17]²¹.

* * *

Положение естественным образом изменилось с появлением реальной возможности прямых контактов и, соответственно, мотивации для изучения иностранных языков. Преподавание перешло на качественно иной уровень (оригинальные учебники, видео- и аудио-курсы, стажировки в языковой среде). Результаты не последовали немедленно; до сих пор ученые-гуманитарии называют себя *scientists*, а аспирант может назвать научного руководителя *scientific advisor* (сказалась все та же инерция, привычка к пословному переводу). При сохранении нормальных условий изучения языков такие огрехи, несомненно, уйдут сами собой. Удержатся, скорее всего, неологизмы типа *Currency Exchange Office* ‘пункт обмена валюты’ (дословный перевод), в общем, справляющиеся со своей элементарной информационной функцией. Появление подобных вывесок связано с общественными процессами конца XX в., а буквальный перевод вместо эквивалента (в данном случае, *Foreign Exchange* или *Bureau de change*) — с традицией заполнения языковых лакун с помощью словарных соответствий, однозначных или описываемых правилами типа «одушевленность — неодушевленность» при выборе английского эквивалента русского *который* (*who/which*). Правила, грамматические и лексические, отражают определенное восприятие действительности²². Самой действительностью определяется выбор соответствия русск. *общежитие*: (a) ‘a hostel’, (b) ‘a hall of residence’, (c) ‘a dormitory’, в зависимости от того, идет речь о (a) ‘a supervised lodging place for young people’ или о том же, но в колледже/университете (b) в Великобритании или (c) США, или в примерах типа рус. *обед* — англ. *lunch and dinner*:

²¹ Эту «словесную руду» должны были просеивать все, кто хотел докопаться до «настоящего английского», прежде всего преподаватели, а среди них — самые талантливые и преданные своей профессии. Практически никто из них не бывал в стране изучаемого языка, а многие вообще никогда не общались с его носителями, будучи при этом великолепными знатоками и ценителями этого языка, способными передать студентам свои знания и свое к нему отношение. Ужасный парадокс! Пусть будет наградой за их усилия благодарная память учеников, добравшихся лет в 40–50 до своего Эльдорадо и услышавших там: *What? For the first time? In England? The US then? No? Come on! I don't believe!*

²² Например, различного членения временного континуума. Сошлюсь на рассказ А. С. Либермана (личное сообщение): «После лекции (в Университете Миннесоты, Миннеаполис — Ю. К.), в которой я сказал, что бывают языки, в которых конструкции типа *он сказал, что он видел* не требуют перфекта, подошла аспирантка со словами „Я всегда поражаюсь, где вы находите такие невероятные примеры“». Таким образом, проблема не замыкается собственно на грамматике.

Вторая едаАнгл. *lunch*Рус. *обед***Третья еда***dinner**обед, ужин*²³

В подобных случаях «реальный комментарий» в той или иной форме должен предшествовать выбору эквивалента (при наличии словарного соответствия) или его созданию (при заполнении лакуны).

* * *

Интересно в этой связи посмотреть, как проблема освоения инокультурных реалий решается в естественных условиях, например, в эмиграции. «Реальный комментарий» там предполагается самим существованием и бытованием слова, неотделимого от соответствующего денотата. В качестве примера рассмотрим обращение эмигрантки к юристу, дающему консультацию в специальной программе русского телевидения (RTN):

...произошел **кар эксидент** (*car accident* — Ю. К.), в котором пострадал мой муж. ...столкнулись две машины, и та, которая была не виновата, сбита моего мужа. Имеет ли он право предъявлять претензии двум **иншуарансным компаниям** (*insurance company*)... И еще: в течение двух месяцев он не может встретиться с **лойером** (*lawyer*) только с **паралигал** (*paralegal*, в данном случае ‘помощник адвоката’ — Ю. К.), и в течение двух месяцев не может получить **полицейский рипорт** (*police report* — Ю. К.)²⁴.

На первый взгляд, это типичный макаронический текст с более или менее понятными (за исключением, возможно, *паралигал* — *paralegal* ‘помощник юриста’) англоязычными вкраплениями, имеющими русские аналоги (‘дорожно-транспортное происшествие’, ‘страховая компания’, ‘адвокат’, ‘полицейский протокол’) и потому скорее излишними. Это точка зрения жителя современной России, где страховые компании известны не только по фильму «Берегись автомобиля!». Речь, однако, идет о русскоязычном эмигрантском сообществе, сложившемся в США в 1970–1980-е гг. Многие слова, входящие ныне в словарь русского языка, могли отсутствовать в (активном) словаре, а соответствующие понятия — в предшествующем опыте советского эмигранта. Пример — автомобили, впервые появившиеся в быту большинства эмигрантов уже в США, отсюда эмигр. рус. *машина с шифтóm* (*gear shift* ‘рычаг переключения скоростей’) — совр. рус. *машина с механической коробкой передач*, или «механика» (антоним — «автоматика»)²⁵. Так же *лойер* — одна из самых распространенных профессий в США — в СССР была когда-то представлена юрисконсультом на производстве и адвокатом в суде (к первым не обращались

²³ Определялось профессиональной принадлежностью человека, соответственно началом и окончанием рабочего дня. Таким образом, соседи по коммунальной квартире могли обедать (научные работники) и ужинать (рабочие) в одно и то же время.

²⁴ Все примеры «эмигрантского русского» собиравались автором в 1995 г. в Нью-Йорке в рамках проекта “Natural and Acquired Bilingualism” (при поддержке *Research Support Scheme, Open Society Institute*; grant 1042\94); подробнее см.: [Клейнер 1999].

²⁵ Крайний пример расхождения понятий/слов из встретившихся нам — *дор* ‘дверца автомобиля’ (англ. *door*) наряду с *дверь* (в доме) в речи информанта.

за бесполезностью, вторых — по понятным причинам — избегали)²⁶. Перечисляя рабочие профессии, которыми занимались русские эмигранты в США, информанты называли маляра, столяра и *пламбера* (*plumber* ‘водопроводчик’) — одну из самых высокооплачиваемых рабочих профессий в США и одну из наименее престижных в тогдашнем СССР. То же демонстрируют заимствования из самых разных сфер: транспорт (*сабвей/ subway*, для жителей советских городов, где данный вид транспорта отсутствовал, это слово — не более иностранное, чем «метро», заимствование, освоенное языком москвичей или ленинградцев), меры длины и веса (*майл/ mile*, известное, главным образом, из литературы; *паунд* = рус. устар. *фунт*, 410 г. при амер. *pound* — 457 г.), еда (*турка/ turkey*, недоступная большинству населения СССР, или *джус/ juice* ‘сок’ в Америке — часть культуры, такая же, как в России, например, «щи», очень приблизительное представление о которых дает словарное *cabbage soup*). Каждый раз мы сталкиваемся с неполным совпадением объема понятий, что и создает лакуны в словаре и вызывает необходимость их заполнения. Последнее не предполагает этап перевода, сводясь, таким образом, к двум операциям: определение уникальности того или иного понятия (≈ «реальный комментарий») и собственно заимствование с фонетическим и морфологическим освоением. Заимствования в эмигрантский русский из американского английского не бессистемны, а значит, в какой-то степени контролируемы. Речь не обязательно идет о сознательном контроле, хотя он также возможен. Так, эмигранты «второй (военной) волны», ориентированные на сохранение русского языка, использовали в качестве эквивалента *lunch* не совсем точное «полдник», а г. Беркли (*Berkeley*) называли на дореволюционный манер «Берклей». Заметим, что, как правило, это люди, абсолютно владеющие английским языком, в сущности двуязычные. Среди эмигрантов 1970-х — начала 1980-х гг. люди, владевшие английским языком еще до эмиграции (прежде всего, филологи), хотя и использовали заимствования, однако в количестве гораздо меньшем, нежели те, кто не имел доэмигрантского опыта изучения языка. Собственно эмигрантский словарь (необходимые заимствования) у них был минимален, а использование американизмов различной протяженности (от отдельных слов до предложений и далее) — это, как правило, цитация (включая языковую игру, например «крыша ликует» от *to leak* ‘течь’, и пародирование соотечественников). Замечено, что число заимствований в словаре эмигранта находится в обратной зависимости от степени владения английским и, конечно же, русским языком.

* * *

Разобшенность слова и понятия (денотата, ситуации), соответственно необходимость реального комментария в той или иной форме, составляет главное отличие двух видов лингвокультурных контактов — прямых и опосредованных²⁷. Соответственно, вхождение в язык не ограничивается фонетическим освоением заимствования, как это было в случаях *граф* и *барон* или *шаутбенахт*. Сложнее обстоит дело с появившимися позднее заимствованиями типа *яхт-клуб альфа-частицы* и *бета-блокаторы* или — в новейшее время — *шоп-тур*, *левел-дизайн* и т. п.

²⁶ Ср.: в начале 1990-х гг.: «Я нашла *лойера*... это такой адвокат...» (из интервью с девушкой, хлопочущей о гражданстве США).

²⁷ Термины *direct* (серб. *neposredni*) и *indirect contacts* были введены Р. Филиповичем (Rudolf Filipovič; 1916–2000) (личное сообщение).

До какого-то момента такие образования с весьма неопределенным статусом (см. [Касевич 1977: 57–58]) вписывались в германскую по сути модель²⁸, однако сейчас количество их таково, что позволяет, по-видимому, ставить вопрос об изменении типологического статуса самого языка.

К XVIII в. восходит традиция калькирования, где выдающимся достижением, несомненно, можно считать *кислород* (лат. *oxygenium*, фр. *oxygène* — термин А. Лавуазье), а также созданный по его образцу в XIX в. *водород* (лат. *hydrogenium*). На совершенно иных основаниях построены термины типа компьютерного «имя файла» (англ. *file name*), созданного, скорее, выпускником технического вуза; в данном случае *имя* (не «название») — просто первое значение слова *name* в кратком англо-русском словаре²⁹. Неумение найти правильный эквивалент — естественный результат методики пословного перевода, изначально не ориентированного на контекст. Сходным образом все события за рубежом уже давно происходят «прошлой ночью» (*last night* ‘вчера вечером’), ср.: «атака террористов» (*terrorists attack* — сущ. + глаг.)³⁰ в новостях BBC. Снова проявилась неподготовленность «реципиентов» к адекватному переносу «мысли в мысль» с помощью перевода.

В языках, ориентированных на создание собственной терминологии, например, финском (*tiedostonimi*) или исландском (*skránafn*), такая проблема не возникает не только потому, что *nimi* и *nafn* полностью соответствуют английскому *name* (ср.: исл. *sími* ‘телефон’, изначально ‘нить, которую плетут норны’). Русский язык, пошедший по пути неконтролируемых заимствований, в какой-то момент перестал справляться с освоением иноязычной лексики. Недавний пример: «В одном журнале, в подписи к фотографии известного яхтенного дизайнера читаем словосочетание „навальный архитектор“. После недолгого размышления понимаем, что автор вольно перевел выражение “Naval Architect”, означающее просто инженера-кораблестроителя» [Лебедев 2010: 86]; ср.: *люксовые верфи* — верфи, строящие суда класса «люкс», *культовые катера с революционными креслами* («полагаем, не имеющие аналогов, но вовсе не призывающие к свержению кресел другой конструкции» [Лебедев 2010: 87]). Данные примеры приведены не в качестве иллюстрации переводческой беспомощности. Утвердившись в языке, такие слова образуют новые синонимические ряды и зачастую вытесняют автохтонные аналоги: *передовая* → *редакционная* (англ. *editorial*) *статья*, — зачастую также заимствования: *тенденция* → *тренд*, *специалист* → *эксперт* и т. п. (об этом: [Вербицкая, Клейнер 2014]).

Еще одно следствие того же — размежевание значений вплоть до возникновение новых слов и на их основе понятий («реификация»). Когда *answering machines* и, соответственно, *messages* (в эмигрантском русском: *энсеринг машин* и *меса[dʒ]*) появились в России, их очень удачно обозначили словами *автоответчик* и *сообщение* (ср.: *to leave a message* = «оставить сообщение»; в эмигрантском русском: *оставить меса[dʒ]*). Но и слово *мессадж*³¹ вошло в язык, правда в ином значении, прежде

²⁸ Ср., однако: *жар-птица*.

²⁹ Многие студенты технических вузов в тексте “My Institute” «спотыкались» о слово *subject*, не понимая, какое отношение к данной теме имеет ‘подданный’ (из собственного преподавательского опыта).

³⁰ То же в переводе названия книги *Dynamic Karate* Масатоши Накаямы: «Динамика каратэ» (пер. с англ. А. Куликова). — М.: ФАИР-ПРЕСС, 2003.

³¹ Произношение варьирует от [месач'] (сходного с (ими)дж [имич'] “в беглом произношении” [Каленчук и др. 2012: 264]) до практически искомого [mesidʒ].

отсутствовавшем или находившемся где-то на периферии (ближайшее к нынешнему значению англ. *message* в «Большом англо-русском словаре» (№ 4 в словарной статье) — ‘идея (книги)’, ‘мысли, взгляды (писателя)’, ‘идеи, которые писатель проповедует/передает своим современникам’ [Гальперин 1972: 42]). Гораздо раньше нечто подобное произошло со словом *индустрия*: первоначально синоним слова *промышленность*, оно стало обозначать определенные отрасли промышленности (*тяжелая индустрия*, но *легкая промышленность*), постепенно распространившись и на другие виды производства (*индустрия производства продуктов питания* — ср. англ. *food industry*) и даже приобрета переносный смысл: «Имеется целая индустрия по покупке собственности фирм» (2003 г. [НКРЯ]). Таким образом, слова *промышленность* и *индустрия* перестали быть абсолютными синонимами; дальнейшему расхождению способствовала акцентная вариативность двух форм — *индустри́я* и («более весомое») *индустрия́*, ср.: «Подвижность ударения может использоваться... в целях логической или **эмоциональной** выразительности» (курсив наш — Ю. К.) [Зиндер 1960: 304]. «Эмоциональная выразительность» в данном случае синоним «престижности», которая зачастую указывается в качестве едва ли не основного фактора заимствования. Последнее если и справедливо, то лишь в отношении той стадии лингвокультурных контактов, когда количество заимствованных понятий достигло точки, после которой язык уже не справляется с освоением их собственными средствами. «Престижность» денотатов переносится на названия; сопутствующая характеристика («иностр.») становится как бы различительным признаком слов, совокупность которых в словаре в целом ложится в основу новой «макаронической» модели: *кейс* (вместо ‘пример’), *фейк* (вместо ‘утка’) и т. п.

* * *

Сейчас трудно предвидеть, в каком направлении пойдет процесс обогащения словаря современного русского языка. Не исключено, что возобладает тенденция к размежеванию абсолютных синонимов и заимствованные слова на законных основаниях войдут в язык, приобрета новые оттенки значений или даже обрета новые значения. Со временем может оказаться, что *топовые новости* — не совсем то же, что *главные*, а *фаворитное блюдо* чем-то отличается от *любимой еды*. Может быть, менее пугающим станет даже *трейлер российского хоррора*.

Возможно и иное развитие — в каком-то смысле самое реалистическое — напрямую зависящее от состояния общества, его институтов, экономики, уровня развития науки, технической оснащенности, то есть всего того, что определяет его самодостаточность, обеспечивая равноценный обмен с окружающим миром идеями и понятиями, а вместе с ними — словами, освоение которых не в последнюю очередь определяется отношением этого общества к образованию, а значит, и его способности противостоять языковой стихии.

Словари

Абрам, Зильперт 1938 — Абрам С., Зильперт Ф. *Русско-английский словарь*. Перераб. М. В. Рейсгоф. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1938. 214 с.

- Гальперин 1972 — *Большой англо-русский словарь*. Гальперин И. Р. (общ. рук.). Т. 2. М.: Советская энциклопедия, 1972. 863 с.
- Зарецкая 1938 — Зарецкая Р. А. *Англо-русский словарь [типа Лилипут]*. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1938. 543 с.
- Зильперт, Абрам 1938 — Зильперт Ф., Абрам С. *Англо-русский словарь*. Перераб. Р. А. Зарецкой. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1938. 280 с.
- Каленчук и др. 2012 — Каленчук М. Л., Касаткин Л. Л., Касаткина Р. Ф. *Большой орфоэпический словарь русского языка*. М.: Аст-Пресс Книга, 2012. 1001 с.

Источники и справочные материалы

- Булгаков 1983 — Булгаков М. А. *Мастер и Маргарита*. В кн.: Булгаков М. А. *Избранное*. М.: Художественная литература, 1983. 480 с.
- Ильф, Петров 1958 — Ильф И., Петров Е. Двенадцать стульев. В кн. Ильф И., Петров Е. *Двенадцать стульев. Золотой теленок*. Алма-Ата: Казахское гос. изд-во худ. л-ры, 1958. С. 15–273.
- Книга памяти — *Жертвы политического террора в СССР*. База данных. *Книга памяти Иркутской обл.* Зильперт Ф. Н. [https://ru.openlist.wiki/%D0%97%D0%B8%D0%BB%D1%8C%D0%BF%D0%B5%D1%80%D1%82_%D0%A4%D0%B8%D0%BB%D0%B8%D0%BF_%D0%9D%D0%B8%D0%BA%D0%BE%D0%BB%D0%B0%D0%B5%D0%B2%D0%B8%D1%87_\(1895\)](https://ru.openlist.wiki/%D0%97%D0%B8%D0%BB%D1%8C%D0%BF%D0%B5%D1%80%D1%82_%D0%A4%D0%B8%D0%BB%D0%B8%D0%BF_%D0%9D%D0%B8%D0%BA%D0%BE%D0%BB%D0%B0%D0%B5%D0%B2%D0%B8%D1%87_(1895)) (дата обращения: 24.05.2020).
- Лебедев 2010 — Лебедев Я. Я. Навальных дел мастер. *Капитан Клуб*. 2010. № 1 (61): 86–87.
- Либерман 2012 — Либерман А. *Отец и сын* (рукопись). 2012. 70 с.
- Нагибин 1996 — Нагибин Ю. *Дневник*. М.: Книжный сад, 1996. 698 с.
- НКРЯ — *Национальный корпус русского языка*. <https://yandex.ru/search/?clid=2186617&text=%D0%BA%D0%BE%D1%80%D0%BF%D1%83%D1%81%20%D1%80%D1%83%D1%81%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B3%D0%BE&lr=2&redircnt=1592999651.1> (дата обращения: 24.05.2020).
- Ясенский 1957 — Ясенский Б. Человек меняет кожу. Роман. В кн.: Ясенский Б. *Избранные произведения в двух томах*. Т. 2. М.: Гос. изд-во худ. лит., 1957. 483 с.

Учебники и учебные материалы

- Абрам, Зильперт 1929 — *New technical inventions. Современные достижения промышленности и техники в Америке и Англии: Пособие по изучению англ. яз. с технич. уклоном*. Абрам С., Зильперт Ф. (ред.). М.: Центр. изд-во народов СССР, 1929. 131 с.
- Абрам, Зильперт 1931 — Абрам С., Зильперт Ф. *A practical guide to English grammar: Краткая английская грамматика с упражнениями*. А. Wicksteed (ред.). М.: Центриздат, 1931. 144 с.
- Абрам, Зильперт 1933а — Абрам С., Зильперт Ф. *Новый учебник английского языка для взрослых*. М.; Л.: Изд-во иностр. рабочих в СССР, 1933. 292 с.
- Абрам, Зильперт 1933б — Абрам С., Зильперт Ф. *Англо-русский разговорник для иностранцев*. Moscow: Mezhdunarodnaya kniga, 1933. 90 с.
- Абрам, Зильперт 1934 — Абрам С., Зильперт Ф. *Вузовец*. Учебник английского языка. М.; Л.: Гос. тех.-теор. изд-во, 1934. 278 с.
- Бонк и др. 1960 — Бонк Н. А., Котий Г. А., Лукьянова Н. А. *Учебник английского языка*. Ч. I. М.: Внешторгиздат, 1960. 545 с.
- Бонк и др. 2001 — Бонк Н. А., Котий Г. А., Лукьянова Н. А. *Учебник английского языка*. Ч. I. М.: ГИС, 2001. 637 с.
- Бонк и др. 2015 — Бонк Н. А., Котий Г. А., Лукьянова Н. А., Памухина Л. Г. *Учебник английского языка*. Ч. I. М.: Эксмо. 639 с.
- Буштуева 1934 — Буштуева Е. Ф. *English. Учебник английского языка для начальной школы*. М.; Л.: Гос. учеб.-пед. изд-во, 1934. 89 с.
- Валишевская 1929 — Валишевская Е. Н. *Рабочая книга по английскому языку*. С прилож. краткой истории языка, грамматики и постатейного словаря. М.; Л.: Гос. изд-во, 1929. 211 с.
- Валишевская 1932 — Валишевская Е. Н. *Учебник английского языка*. Для высш. учеб. заведений. М.; Л.: Гос. соц. эконом. изд-во, 1932. 180 с.

- Гаррис, Смоллер 1928 — Гаррис Г.Ф., Смоллер Ф.А. *Учебник английского языка для школ и самообразования*. Ч. I. Владивосток: Владивосток. пром.-экон. техникум, 1928. 134 с.
- Гундризер 1972 — Гундризер В.Р. *Учебник английского языка для технических вузов*. М.: Высшая школа, 1972. 318 с.
- Забельшинский 1931 — Забельшинский И. *Иностранные языки в массы*. М.: Гос. учеб.-педагог. изд-во, 1931. 16 с.
- Изучайте языки 1926 — *Изучайте немецкий и английский языки*. М.: Центр. изд-во народов СССР, 1926. 32 с.
- Килочицкая 1937 — Килочицкая Л.И. *English. Английский язык*. Учебник для средней школы. 5-е изд. М.: Гос. учеб.-пед. изд-во, 1937. 152 с.
- Матюшкин-Герке, Розенблит 1931 — Матюшкин-Герке [А.И.], Розенблит. *Изучайте иностранные языки*. М.; Л.: Молодая гвардия, 1931. 64 с.
- Скотт, Брей 1918 — Скотт В.В., Брей Ф.В. *Практический английский учебник*. 9-е изд. Репринт с изд. 8 (1902–1909). СПб: Тип. Тренке и Фюсно, 1918. 302 с.
- Труевцева, Кац 1969 — Труевцева Т.И., Кац Г.И. *Пособие по английскому разговорному языку*. М.: Высшая школа, 1965. 347 с.
- Begynderdansk 1991 — *Begynderdansk 1. Tekst- og øvebog for udlændinge*. Århus: Sprogcentresforlag, 1993. 132 с.
- Eckersley 1967 — Eckersley C.E. *Essential English for Foreign Students*. Book 1–4. Sofia: Foreign Language Press, 1967.
- Manne, Nilsen 1993 — Manne G., Nilsen G.K. *Ny i Norge*. Fag og Kultur, Forlaget, 1993. 248 s.
- Pescher ter Meer, Fontein 1979 — Pescher ter Meer A., Fontein A.M. *Kursus Nederlandse taal voor gebruik in het taalpraktikum*. Utrecht: Stichting Nederlands centrum buitenlanders, 1979. 224 p.
- Thompson 1929 — Thompson J. (ed.). *English*. Published by several teachers under the direction of John Thompson, Associate of the British Academy of Sciences. Ленинград: Academy of Foreign Languages, 1929. 127 p.
- Wicksteed, Settington 1928 — Wicksteed A., Settington N. *English. Рабочая книга по английскому языку*. Ленинград, 1929. 127 p.

Литература

- Блюм 2009 — Блюм А.В. *От неолита до Главлита. Достопамятные и занимательные эпизоды из истории российской цензуры от Петра Великого до наших дней. Собраны по архивам и литературным источникам*. СПб.: Искусство России; Изд-во им. Н.И. Новикова, 2009. 272 с.
- Вербицкая, Клейнер 2014 — Вербицкая Л.А., Клейнер Ю.А. Акцентные дублеты: система и норма. В сб.: *Проблемы фонетики*. VI. К 85-летию Леонида Леонидовича Касаткина. М.Л. Каленчук и др. (ред.). 2014. С. 151–156.
- Зиндер 1960 — Зиндер Л.Р. *Общая фонетика*. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1960. 336 с.
- Касевич 1977 — Касевич В.Б. *Элементы общей лингвистики*. М.: Наука, 1977. 176 с.
- Клейнер 1999 — Клейнер Ю.А. Здесь говорят по-русски (комментарий к комментарию). *Нева*. 1999, (8): 197–204.
- Рабинович 1989 — Рабинович Е.Г. Об одном из предполагаемых источников «чукотской серии». В кн.: *Жанры словесного текста. Анекдот*. Таллин: Таллин. пед. ин-т им. Э.Вильде, 1989. С. 100–103.
- Светозарова 2019 — Светозарова Н.Д. Из истории отечественного языкознания: жизнь и труды С.К. Боянуса. *Русская речь*. 2019, (2): 119–128.

Статья поступила в редакцию 31 мая 2020 г.

Статья рекомендована в печать 10 сентября 2020 г.

Linguistic and cultural discrepancy, or *Sui Mei Travels about the Soviet Union*

For citation: Kleiner Yu. Linguistic and cultural discrepancy, or *Sui Mei Travels about the Soviet Union*. *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*. 2020, 17 (4): 720–737.
<https://doi.org/10.21638/spbu09.2020.414> (In Russian)

Soviet textbooks of foreign languages, in particular English, very accurately reflect those tendencies which affected the evolution of the approach to teaching and its goals, from exchanging information to unidirectional (“addresseeless”) communication that was thematically limited by the realities of a closed society. The material of textbooks changed from original works slightly colored ideologically in the late-1920s towards texts that were completely removed from the realities of countries of the studied languages in the 1930s — 80s. The practice based on “word-for-word translation” methodology resulted in (a) entire lexical spheres having no equivalents in the English-speaking world (e. g. *The Moscow News* lexicon), (b) incorrect designations of borrowed notions (“currency exchange office” instead of *Foreign Exchange*), and (c) “reification,” creating notions based on reinterpreted borrowings. All this is fundamentally different from borrowing words together with respective notions under natural conditions (e. g. in émigré communities). Later on, the method of direct borrowing began to be used in Russia and as a result, a significant layer of neologisms was formed in the vocabulary of the modern Russian language. A large portion of the neologisms had equivalents (some of them previously borrowed) and this resulted in a new synonymy with further ousting of one of the synonyms (e. g. *tendencija* → *trend*, *specialist* → *ekspert*, etc.), or a division of meanings, including even the formation of words in their own right (*mesšač* < *message*), etc. An alternative to this tendency can be a conscious attitude to language processes (native speakers’ control of borrowings), which in turn, depend on competence in both contacting languages and, in the last analysis, the organization of education in the country.

Keywords: foreign languages, teaching, cultural/linguistic correspondence, borrowing.

References

- Блюм 2009 — Blium A. B. *From the Neolith to Glavlit. Memorial and amusing episodes from the history of Russian censorship from Peter the Great to our day. Collected in archives and literary sources*. St. Petersburg: Iskusstvo Rossii; N. I. Novikov Publ., 2009. 272 p. (In Russian)
- Вербицкая, Клейнер 2014 — Verbitskaya L. A., Kleiner Yu. A. Accentual doublets (system and norm). *Problemy fonetiki. VI. K 85-letiiu Leonida Leonidovicha Kasatkina*. M. L. Kalenchuk et al. (eds). 2014. P. 151–156. (In Russian)
- Зиндер 1960 — Zinder L. R. *General phonetics*. Leningrad: Leningrad University Press, 1960. 336 p. (In Russian)
- Касевич 1977 — Kasevich V. B. *Elements of general linguistics*. Moscow: Nauka Publ., 1977. 176 p. (In Russian)
- Клейнер 1999 — Kleiner Yu. A. ‘We speak Russian’ (a comment on a commentary). *Neva*. 1999, (8): 197–204. (In Russian)
- Рабинович 1989 — Rabinovich E. G. A possible source of the “Chukchi Jokes” series. In: *Zhanry slovesnogo teksta. Anekdot*. Tallinn: Tallinnskii pedagogicheskii institut imeni E. Vilde, 1989. P. 100–103. (In Russian)
- Светозарова 2019 — Svetozarova N. On the History of Russian Linguistics: the Life and the Work of Simon Boyanus. *Russkaia rech’*. 2019, (2): 119–128. (In Russian)

Received: May 31, 2020
Accepted: September 10, 2020